

Алтынай Асылмуратова: «Школьный экзамен – не показательный суд»

Независимая - 2008 - 16 янв. - с. 12

В Академии русского балета предпочитают тактику разумного консерватизма

Майя Крылова
Санкт-Петербург–Москва

Алтынай Асылмуратова – бывшая прима-балерина Мариинского театра, а ныне художественный руководитель петербургской Академии русского балета. Наша беседа происходила в канун памятной даты – в 2004 году исполняется 125 лет со дня рождения Агриппины Вагановой, по чьей методике женского классического танца учат девочек по всей России и чье имя более сорока лет носит петербургская балетная школа.

– Алтынай Абдурахимовна, не могли бы вы изложить популярно, не для специалистов, что такое методика Вагановой?

– Чем всегда ценились русские и советские танцовщики? Особой певучестью и органичностью танца. Методика Агриппины Яковлевны, как никакая другая система, не только ставит крепкие ноги, но дает телесную координацию, когда в танце все связано – голова, руки, корпус, стопы.

– Но не так давно Махар Вазиев, заведующий труппой балета Мариинского театра, резко напал на вагановскую методику. Мол, она устарела и не учитывает нового качества балетного исполнительства в двадцать первом веке.

– Высказывания Вазиева так высказываниями и остались. Можно говорить разные вещи, но доказывать свою правоту надо делом. Я не сторонница публичных дебатов через газеты. Если на деле какие-то вещи противоречат реальности, то и говорить нечего.

– А какие высказывания господина Вазиева противоречат реальности?

– Вопреки его мнению методика Вагановой умереть не может. Как бы официально ни

называлась Академия русского балета, мы всегда считались школой Мариинского театра. Многие наши педагоги одновременно работают и в театре. В принципе ведущая балетная школа обязательно должна быть связана с ведущим театром.

– А что для этого нужно? Может быть, общее руководство балетом театра и школой? Не об этом ли го-

дожидаться экзаменов, а ходить по классам, корректировать процесс, особенно у молодых, неопытных учителей, потому что экзамен не должен стать показательным судом над учителями. Но и косности не должно быть.

– Угадать заранее, кто будет хорошо учить, невозможно. Народный артист может оказаться никудышным преподавателем, а

ся тех же результатов. Потому мы и приглашали недавно бывшую приму-балерину Парижской оперы Гилен Тесмар дать класс. Я это сделала не для детей, а для наших учителей. Это было очень интересно. Мы делаем те же самые движения, но у Тесмар акценты по-другому расставлены. Крупные па перемежаются с мелкой техникой, и специально сбивается темп, чтобы мышцы приучались работать в разных скоростях. У нас же на уроке занимаются в одном темпе, все слишком ровно. А ведь в нашей школе все это когда-то было – и мелкая техника, и разные темпы. Я делаю выводы из наблюдений: кто из педагогов пришел на класс Тесмар и, значит, хочет что-то улучшить, а кто решил, что ему это не надо.

– Можно ли подготовить универсального танцовщика, одинаково хорошо владеющего классикой и, скажем, системой модерн-данса Марты Грем?

– Классика не всем по зубам, она самая сложная. В модерне больше допущений, даже по физическим данным исполнителя. Поэтому артист, который имеет классическую подготовку и способное «мягкое» тело, сможет танцевать все. Но у нас в программе есть модерн. Я считаю, что это обязательно нужно школе. Потому что одна классика детей все-таки закрепощает. А модерн, где не надо думать о выворотности и позициях, а требуется сосредоточиться на внутренних пластических ощущениях, в этом смысле очень полезен.

– Как вы считаете, мы в балете сегодня – первые среди равных или равные среди первых?

– Если говорить о балетной педагогике, то наша школа имеет все возможности быть самой лучшей. Хотя проблем много. Всегда хочется набирать более способных к балету детей. Но это вопрос природы. ■

Одна классика детей закрепощает, обязательно нужен модерн

ворил на недавних встречах с вами Валерий Гергиев, который, по слухам, приглашал вас возглавить балетную труппу Мариинского театра?

– Я очень люблю школу, работу с детьми. Много сюда вложено. Такие большие машины, как академия, не меняются за один год. Только сейчас, через четыре года после моего прихода, я чувствую, как мы что-то нащупали и потихоньку начинаем собирать. Никаких мыслей о переходе в театр у меня не было. А совмещать две очень ответственные должности... не представляю, как это вообще возможно.

– Кое-кто утверждает, что подлинной системы Вагановой давно уже нет, есть лишь ее официальная внешняя оболочка, за многие годы подмененная личными наработками множества педагогов.

– Существует постоянный дефицит хороших педагогов. Количественно они есть, а вот качественно – не всегда можно поставить пять баллов. Я обязываю наших методистов не

простой танцовщик вдруг откроет в себе талант наставника...

– На самом деле можно предугадать кое-что. Есть такие способные танцовщики, они вообще не думают, как танцуют, просто выходят на сцену – и все. А есть менее способные, но думающие. Из таких чаще выходят способные педагоги. Ведь детям нельзя сказать: «Ногу туда, голову сюда, и вертись». Ребенку надо объяснить его собственные ощущения своего тела.

– Мы сами себя уверили за много лет, что наш балет – лучший в мире. Нелегко отказать от комплекса превосходства. Что вы отвечаете на упреки в плохих стопах, которыми осыпают выпускников российских балетных школ?

– В методиках балетных школ нигде не написано «не следить за стопами». Дело в том, на что обращать особое внимание. Французская школа просто культивирует стопы, это их идея фикс. И результат есть. Если у нас поставить ту же задачу, я уверена, можно добиться